

Столыпинское разрушение русской общины

Традиционным, органическим, цивилизационно идентичным для России институтом самоорганизации являлась русская крестьянская община — «мир». Определенное время в отечественных общественных науках доминировало представление об общинах как препятствие социального развития. Однако современный опыт ряда восточных государств указывает на принципиальную возможность осуществления развития с опорой на общинные традиции. Целесообразно говорить о двух моделях модернизации — одна осуществлялась через репрессинг в отношении общины, другая — через использование общины в качестве инструмента мобилизации. Указанный опыт позволяет вновь вернуться к вопросу об общинной (или квазиобщинной) модели развития. Особого внимания заслуживает связь между общиноцентризмом и солидаристским социальным проектированием.

Существование общины, как известно, обнаруживается в различных типах цивилизаций. Это преподносится как свидетельство в пользу универсализма мирового развития. Но идентичные ли институты скрываются под понятийно единым общинным маркером? Для ответа на этот вопрос феномен общины исследовался в ракурсе цивилизационной компаративистики. В качестве объекта анализа были взяты общинные структуры трех цивилизаций: российский «мир», западноевропейский «civic» и китайский «цзя»¹². Все указанные институты определяются как община. Однако ни по одному из используемых при сопоставлении базовому параметру (а таковых было шесть) совпадений не обнаружилось. Следовательно, налицо три прин-

¹² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992; Вебер М. Аграрная история древнего мира. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Дизайн. Информация. Картография, Астрель, АСТ, 2001; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001; Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1989; Качоровский К. А. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (Опыт цифрового и фактического исследования). М.: Новое товарищество, 1906; Карелин А. Общинное землевладение в России. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1893; Кауфман А. А. Крестьянская община Сибири. СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1897.

ципально различных социальных института, объединение которых под одним унифицирующим маркером является по отношению к каждому из них существенной деформацией¹³.

На Западе община, основанная на индивидуалистической парадигме хозяйствования, довольно легко распалась. В России же, базирующаяся на коллективистской традиции, коллективистских ориентирах совместной деятельности, она каждый раз, при всех попытках ее роспуска, воспроизводилась, репродуцировалась в новых формах. Не известным для Западной Европы являлся феномен уравнительного, периодически проводимого перераспределения земель. В России он получил название «черного передела». Даже в начале XX века процедура земельных перераспределений среди русских крестьян-общинников имела крайне широкое распространение¹⁴.

«Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, — писал консервативный экономист С. Ф. Шарапов — и стало Великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех Славянских племен не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства... Община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий...»¹⁵ Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомоществования всем миром отдельным крестьянским хозяйством. Другим ее назначением являлось решение социальных задач, что соотносилось с критериями социализированного типа экономики (рассмотрение экономических успехов с точки зрения социальной справедливости). Даже западник А. И. Герцен отмечал опровержение русской общинной системой хозяйствования теории мальтузианства.

Модель общины была положена в организацию «русской артели», представлявшей собой исключительно национальную форму хозяйственной самоорганизации и самоуправления. Нелучайно А. И. Герцен называл артели передвижными общинами. Артельщиков связывала круговая порука, солидарное

¹³ Сусоколов А. А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. SPSSL–Русская панорама, 2006. С. 104–164.

¹⁴ Русское хозяйство. М.: Институт русской цивилизации, 2006. С. 669–670.

¹⁵ Шарапов С. Ф. Русские исторические начала и их современное положение. М.: Свидетель, 1908. С. 25–26.

ручательство всех за каждого. Возведенное в принцип существования равноправие членов артели позволяет противопоставлять ее капиталистическим предприятиям (в литературе используется характеристика их как антикапиталистических организаций). Уместно также говорить об особом феномене русской трудовой демократии. В Российской империи были известны случаи, когда вся деревенская община составляла собой артельное объединение¹⁶.

О высокой трудовой эффективности артельного труда может свидетельствовать опыт форсированного строительства в течение 10 лет Великой Сибирской магистрали, проложенной главным образом руками артельщиков. Лишь 8 тыс. человек было задействовано в прокладке 7,5 тыс. км железнодорожного полотна¹⁷. Очевидно, что опыт общинно-артельной трудовой демократии в России может быть в соответствии с национальными традициями экономической жизни использован и в современной управленческой практике.

И вот этот базовый в историческом самовоспроизводстве российской цивилизации институт подвергся целевому разрушению в результате так называемых столыпинских реформ.

Столыпин по своему образованию и мировоззрению был типичным западником. Родившись в Дрездене детство и отрочество будущий премьер провел в Литве. Но прибалтийская организация сельского уклада и агроэкономики отличалась от российской. Он обучался в Виленской гимназии, а на летние каникулы выезжал в Швейцарию. На формирование взглядов будущего реформатора, несомненно, оказал влияние и его дядя Дмитрий Аркадьевич, известный публицист-аграрник, одним из первых сформулировавших задачу роспуска общины. До сорока лет П. А. Столыпин служил в западных губерниях, прожив таким образом большую часть жизни вне исторической России. Оказавшись на посту саратовского губернатора в ментально чуждой социокультурной среде, Столыпин не нашел ничего луч-

¹⁶ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895; Исаев А. Община и артель // Юридический вестник. 1884. № 1. С. 3–14; Калачев Н. В. Артель в древней и нынешней России. СПб.: Тип. В. Головина, 1864; Новиков, И. А. Артели в России во второй половине XIX — начале XX в.: социально-экономическая сущность и её трансформация: дис. ... кандидата исторических наук. Томск: Том. гос. ун-т, 2011.

¹⁷ Паталеев А. В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1962.

шего, чем путь силовой ломки устоявшегося хозяйственного института. Несмотря на все усилия он не достиг в этом особых успехов и критиками премьерера справа указывалось, что именно в Саратовской губернии во время революции было сожжено больше всего помещичьих имений¹⁸.

Столыпинская аграрная реформа представляла собой попытку перенести прибалтийскую хуторскую систему на российскую почву, для которой та не была приемлема как по ментальным, так и по природно-климатическим причинам. Столыпин, в силу своей приверженности западному опыту, не понимал традиционных общинно-государственных механизмов функционирования российской экономики. «Идеалом для многих культурных стран» он считал Германию.

Известный публицист того времени М. О. Меншиков называл столыпинские аграрные преобразования «тихой революцией»¹⁹. Столыпин полагал, что основой для складывания в России гражданских отношений является установление частной собственности на землю. Чувство собственности он оценивал как врожденное для человека. «Пока крестьянин беден, — говорил премьер-министр в одной из своих думских речей, — пока он не обладает личною земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы»²⁰. По его убеждению, только крестьянин собственник будет обладать трудолюбием, сознанием собственного достоинства, выступит проводником экономического и социального прогресса, привнесёт в деревню просвещение и культуру, обеспечит гарантированный достаток своей семье. Имея в России свой экономический интерес, выражающийся в участке земли, крестьянин станет подлинным государственным и патриотом. Вначале, считал премьер, требуется дать народу экономическую свободу, и только затем наделить его политической. «Я полагаю, — заявлял Столыпин во время выступления в Думе, — что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина — собственника, мелкого землевладельца, и когда

¹⁸ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 17.

¹⁹ Рыбас С., Тараканова Л. Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. М.: Недра, 1991. С. 70.

²⁰ Сидорович Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество. М.: Поколение, 2007. С. 231.

эта задача будет осуществлена — гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва — гражданин, а потом — гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот»²¹.

Указами от 9 и 15 ноября 1906 г. Столыпин пошёл на беспрецедентный в истории России шаг — ломку крестьянской общины. Каждый крестьянин получал право на выход из общины и выделение своей земли вместо традиционной для крестьянского мира чересполосицы в виде одного участка-отруба. Столыпин рассчитывал посредством аграрных преобразований создать предпосылки для формирования мощного среднего класса. Он признавался, что правительство, разрабатывая законы, «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных»²². Тезис Столыпина «Народ сильный и могущественный не может быть народом бездеятельным» стал девизом реформ²³. Идея общинного равенства Столыпиным не понималась и не принималась.

В полемику с премьером с позиций своего писательского авторитета вступил Л. Н. Толстой, полагавший сам факт земельной собственности проявлением вековой несправедливости. В ответном послании Столыпин писал: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” у крестьян создает все наше неустройство. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении оскорпление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому другому и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным...»²⁴ Раздраженный Толстой на замечание дочери, что

²¹ Сидорович Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество. М.: Поколение, 2007. С. 306.

²² Петр Аркадьевич Столыпин. Нам нужна Великая Россия... (Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете). М.: Молода гвардия, 1991. С. 179.

²³ Петр Аркадьевич Столыпин. Нам нужна Великая Россия... (Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете). М.: Молода гвардия, 1991. С. 163.

²⁴ Сарнов Б. Зачем мы открываем запасники // Огонёк. 1990. № 3. С. 20.

Столыпин влюблен в закон 9 ноября, резко отвечал: «Столыпин влюблен в виселицу, этот сукин сын»²⁵.

Весь этот комплекс мер в социальной политике был ориентирован преимущественно на средний класс. Но проблема заключалась в том, что среднего класса в России как раз и не было. Существовал колоссальный классовый раскол. Прежде всего в сложившейся ситуации необходимо было решение проблем беднейших слоев населения. Рабочий вопрос решался главным образом с учетом интереса классического квалифицированного рабочего. Однако в условиях стремительной урбанизации доминировал и все более возрастал контингент неквалифицированных кадров. Правильная по меркам типичной европейской страны политика П. А. Столыпина применительно к России давала сбой.

Столыпинские хутора не имели ничего общего с фермерскими хозяйствами капиталистического типа. Ни о каком фермерстве при 5–7 десятинах крестьянского землевладения не могло идти и речи. При ликвидации чересполосицы крестьянин попадал в зависимость от стихии. Следствием столыпинского реформирования стала приостановка начавшегося в конце XIX в. перехода сельского хозяйства от устарелой трехпольной системы к многопольным севооборотам. Раздробление крестьянского мира также стало препятствием технической инноватизации села. Тезис большевистской пропаганды, что только вступив в колхоз крестьяне смогут купить трактор, имел под собой определенную долю обоснованности. Провал аграрной политики Столыпина иллюстрирует голод в последний год его премьерства, охвативший до 20 губерний. Причем наиболее тяжелое положение сложилось именно в районах хуторского и отрубного землепользования. Если принято осуждать большевиков, препятствовавших деятельности политически чуждых им организаций по оказанию помощи голодающим Поволжья, то таким же образом надлежит порицать аналогичные препятствия, чинимые столыпинским правительством во время голода 1911 г. В частности, были пресечены попытки содействия голодающим Пироговским и Вольно-экономическим обществами²⁶. Статистика свидетельствует, что в 1913 г. душевое потребление продовольствия было ниже, чем во времена, предшествующие

²⁵ Лев Толстой — Петру Столыпину. Ваша деятельность губит Вашу душу // Неделя. 1990. № 598. С. 11.

²⁶ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л.: Наука, 1988. С. 13–14.

столыпинским реформам. Так, москвичи в начале века потребляли ржаной муки 6,38 пуда в год, в 1912 г. — 5,55; пшеничной муки соответственно 5,16 и 4,85; крупы и пшеница — 2,46 и 1,46; картофеля — 2,67 и 2,48; мяса — 5,12 и 4,59; рыбы — 0,88 и 0,74; сахара — 2,05 и 1,98; овощей — 2,19 и 1,93. С учетом растущей численности населения Россия шла последовательно к порогу продовольственного кризиса²⁷.

Опасность демонтажа общины для России обнаружилась в Первую мировую войну. Вопреки предположениям, что частник будет более склонен к проявлению патриотизма как человек, защищающий свою собственность, открылась прямо противоположная картина. Крестьянин-единоличник не желал ни идти на фронт, ни снабжать армию продовольствием за бесценок. Ленин был совершенно прав, когда говорил о кулацком саботаже. Политика военного коммунизма была, как известно, еще до большевиков апробирована царским правительством. 20 ноября 1916 г. министр земледелия А. А. Риттих подписал распоряжение о введении продразверстки. Только с октября 1915 по февраль 1916 г. власти 50–60 раз прибегали к карательным реквизициям зерна, понижая ими же самими установленные твердые цены. Таким образом, отнюдь не большевики ликвидировали столыпинскую аграрную систему. Сама жизнь отвергла ее как несостоятельную²⁸.

Общину было невозможно демонтировать премьерскими рескриптами, ибо она укоренилась на уровне архетипов сознания русского крестьянства. Несмотря на государственный натиск общее число крестьянских хозяйств, вышедших из общины за 1907–1915 гг., немного превышало 16%. В центральных русских губерниях оно не было выше 2–5%. Со смертью Столыпина показатели выхода сократились почти в 20 раз, что подтверждает политическую и искусственную подоплеку всей аграрной кампании²⁹. За 1908–14 гг. полиция зарегистрировала 1583 крестьянских бунта, что свидетельствует о неприятии столыпинской политики наиболее значительной частью россиян³⁰.

²⁷ Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. М.: Просвещение, 1996. С. 38.

²⁸ Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. С. 19, 26.

²⁹ Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М.: Московский университет 1973.

³⁰ Там же.

Непременным аргументом сегодня в пользу столыпинских реформ используется сегодня ссылка на прогноз ведущего французского экономиста начала XX века Эдмона Тэри в его представлении парламенту: «Если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении». Следует сказать, что и проводя совершенно иной государственный курс, нежели при столыпинском премьерстве, Советская Россия действительно к середине века занимала доминирующие позиции на континенте. Начавшийся в 1909 г. промышленный подъем ни в коей мере нельзя классифицировать как экономическое чудо. Доля России в мировом промышленном производстве хотя и возросла, но незначительно — всего на 0,3%, составляя к 1913 г. лишь 5,3%, что соответствовало пятому месту после США, Германии, Великобритании и Франции. За тот же период объем представительства экономики Соединенных Штатов в выработке промышленной продукции увеличился на 5,7%. Еще меньше была ее доля в мировом экспорте — 4,2%. По темпам экономического роста Россия отставала не только от США, но и от Японии и Швеции. Она производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза — чем Германия, хотя и опережала их по интенсивности роста. Ликвидировать отставание при существующих темпах развития в ближайшие сроки, и даже в период, определенный Э. Тэри, не представлялось возможным. Представительство России в мировом промышленном производстве почти вдвое было меньше доли ее населения среди жителей земного шара (10,2%). По производству промышленной продукции на душу населения она пребывала на уровне Италии и Испании, заметно уступая ведущим индустриальным державам. Так что столыпинский вариант модернизации существенно уступал по своим производственным показателям индустриализации большевиков³¹.

Большевистская революция была в известном смысле контрреволюцией. Она в применении к большинству крестьянского

³¹ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1995; Бовыкин В. И. Россия накануне великих свершений. М.: Наука, 1988; Данилов А. А. История России, XX век: Справочные материалы. М.: Владос, 1996. С. 33–38.

населения представляла собой реакцию на столыпинское разрушение общинного уклада. Реформы П. А. Столыпина выводили Россию за рамки цивилизационной модели, тогда как большевизм аккумулировал силы цивилизационного отторжения.